

ние контргегемонии мирового общественного мнения, однако возведение этого барьера против поствойн останется утопией до тех пор, пока в сознании рядовых носителей война сохраняет свой сакральный героический характер.

Примечания

- ¹ О полемологии см. подробнее обзор А. В. Соловьева «Полемология — французская социология войны» // Социологические исследования. 1993. № 12. С. 124—132.
- ² Malinowski B. An Anthropological Analysis of War // American Journal of Sociology. 1941. Vol. 46. P. 522.
- ³ Mead M. Warfare Is Only an Invention — Not a Biological Necessity // Asia. 1940. Vol. 40. P. 402.
- ⁴ Mead M. Alternatives to War // War: The Anthropology of Armed Conflict and Agression. N. Y., 1968. P. 215—216.
- ⁵ Schneider J. Primitive Warfare: A Methodological Note // American Sociological Review. 1950. Vol. 15. P. 772—777; цит. по: Шнирельман В. А. Война и мир в традиционных обществах (по материалам западных исследований). М., 1992. С. 33.
- ⁶ Naroll R. On Ethnic Unit Classification // Current Anthropology. 1964. Vol. 5. P. 286.
- ⁷ Otterbein K. F. The Anthropology of War // Handbook of Social and Cultural Anthropology. 1973. P. 923.
- ⁸ Otterbein K. F. Cross-Cultural Studies of Armed Combat // Studies in International Conflict. 1968. № 4. P. 93.
- ⁹ Wallensteen P., Axell K. Armed conflict at the end of the cold war // Journal of Peace Research. 1993. Vol. 30. P. 343.
- ¹⁰ Ibid. P. 343.
- ¹¹ Ibid. P. 332.
- ¹² Об этническом насилии см. подробнее: Соколовский С. В. Этническое насилие: структуры теоретического дискурса // Этнометодология. Вып. 1. М., 1994. С. 94—112.
- ¹³ Luke T. W. On Post-War: The Significance of Symbolic Action in War and Deterrence // Alternatives. 1989. Vol. 14. P. 343—362.
- ¹⁴ Morgenthau H. J. Politics Among Nations. N. Y., 1967.
- ¹⁵ Ball D. The blind man and the elephant: A critique of bureaucratic politics theory // Australian Outlook. 1974. Vol. 23. P. 71—92.

War, conflict, and violence polemological essay

The article deals with the concept of war as it is understood within different schools of political, sociological and anthropological thought. In addition, the concept is situated within the framework of diverse concepts used in the research of collective forms of violence.

A classification of almost thirty mass violence types is presented, wherein diverse types of violence are compared according to their legitimation basis and the types of agents involved.

S. V. Sokolovsky

© 1995 г., ЭО, № 4

ОТКЛИКИ НА СТАТЬЮ С. В. СОКОЛОВСКОГО

Наверное, призвание С. В. Соколовского — нести нашему читателю *непривычное* и по содержанию, и по форме. Мне кажется, что нет таких философских тенденций и культурных настроений, наличествующих как на Западе, так и в нашей стране в последние десятилетия, с которыми не был бы знаком С. В. Соколовский. Причем, «пропитанный» знаниями и идеями, он воспринимает их и представляет читателю как истинный постмодернист, что, по-моему, можно только приветствовать (не знаю, считает ли себя таковым сам уважаемый автор). Некоторая внешняя «неотделанность» статей Соколовского, изобилие в них аллюзий и отсылки, подключающих новые — социальные, исторические, психологические —

контексты и пласты знания к обсуждаемым явлениям (да и просто демонстрирующих эрудицию, как, например, упоминание трудного названия науки о бабочках — лепидепторологии и имени В. Набокова¹⁾), многословие — все это признаки «интертекста», разомкнутого, пластичного, как бы «разбросанного» на большом пространстве. Чем не та самая ризома (раскидистая корневая система растений), с которой сравниваются произведения постмодернистского искусства?²⁾

В текстах С. В. Соколовского не заложены какие-либо определенные идеологические ожидания или моральные требования. Даже говоря о мощном давлении наличной системы властных отношений внутри научного сообщества на процесс производства научных знаний (характерно, что старшее поколение «не распознает» этой проблемы — вспомним реакцию Ю. И. Семенова на такую постановку вопроса: «При чем тут, грубо говоря, начальство?»³⁾), автор не приводит, казалось бы, напрашивающихся резких суждений. В представленных читателю полемологических заметках он прямо говорит о невоинственном характере своей полемики с эволюционистами, предлагая лишь отказаться от представления об универсальности их подхода. Как мне кажется, С. В. Соколовский обретается в поле такой этноэтнографии (об этой дисциплине он пишет в одной из своих статей), где нет иерархии разных научных систем, жесткого противопоставления одних другим, а есть взаимосвязь, «перетекание» одного в другое, мирное сосуществование и равноправие научных теорий. Главенство «интерпретирующего», а не «законодательного» разума — это, на мой взгляд, большая этическая победа постмодернизма.

Несколько слов о стиле автора, дающем полное основание называть язык Соколовского «идеолектом» (еще один признак отхода от «модернизма» с его «основным кодом»). Работы этого автора читать нелегко, но даже, например, в перегруженности его текстов англицизмами можно найти положительное. Он использует терминологию, имеющую хождение практически во всем мире (пусть и через английский язык, и нередко именно в такой же форме калек — но это факт, как и то, что в английский язык многие из них были заимствованы из латыни и греческого). Поэтому, читая статьи Соколовского, мы поневоле проникаемся смыслом многих англоязычных терминов и обычных слов и, можно сказать, приобретаем через них к международному научному дискурсу. Другое дело, что в некоторых случаях можно было бы найти русский или более привычный заимствованный эквивалент, который способствовал бы лучшему пониманию текста. (Скажем, в полемологических заметках вместо приблизительно понимаемого словосочетания «публичная летальная групповая борьба» сказать что-то вроде «борьба с целью физического уничтожения групп — представителей соперничающих обществ», борьба «не на жизнь, а на смерть».) Редакционная правка самых «корявых» мест только отточила бы неповторимый слог С. В. Соколовского.

Что касается статьи о полемологии (от *polemos* — война), то тут очевидно: С. В. Соколовский абсолютно правомерно ставил перед собой задачу познакомить читателей журнала с новейшими подходами к изучению войны. В содержании статьи два аспекта: база данных о войнах как, возможно, наивысшее достижение в изучении войн и ирако-кувейтско-американская «Буря в пустыне» как образец «пост войны». Вокруг первого из этих аспектов — перечисление взятых из разных дисциплин определений войны, как бы подводящее к всеобъемлющей компьютерной базе, и показ того, насколько непросто проводить логические операции для создания определения такого феномена, как война. В ходе своих рассуждений автор более подробно останавливается на понятиях «этническое насилие» и «межэтнический конфликт» (что вполне закономерно на страницах этнографического журнала) — опять-таки с точки зрения уточнения логической схемы типологизации данных явлений.

Второй из основных моментов статьи — описание ирако-кувейтского конфликта и последовавшей за ним операции «Буря в пустыне». На мой взгляд, это весьма выразительное описание первого в реальной жизни воплощения компьютерной игры в войну, опробования могущественных электронных средств как разрушения, так и защиты человеческих жизней и материальных ценностей. В

этом описании подчеркнуты именно те черты, которые ярко контрастируют с признаками ретровойн, что и делает его уместным в данной статье.

Таким образом, содержание статьи возражений не вызывает. Но чтобы сделать его более доступным и соответствовать своему призванию, автору можно было бы несколько доработать статью. Судя по тексту, получилось, что речь идет о *поиске* полемологами (кто они такие? Это представители отдельной дисциплины, или полемологами можно называть представителей любых наук, занявшихся войной, например, самого Соколовского, написавшего эту статью, или меня, изучавшую феминизм в связи с peace studies?) наиболее адекватного *определения* войны — задаче, появившейся благодаря возможности обрабатывать на компьютере неслетное количество фактических данных. Может быть, чтобы название не было шире содержания, следовало бы именно так и обрисовать цель статьи — показ процесса создания *основы для классификации* прежних, текущих и будущих военных конфликтов и проверка «логической чистоты» определений без привлечения «конкретики» — и соответствующим образом изменить название. Но и в этом случае я сократила бы приведенный на с. 69 пример определения вооруженного конфликта, взяв из него лишь несколько пунктов и прокомментировала их.

Во вступлении и заключении статьи отчетливо прослеживается антропологическая тематика (хотя автору, как и многим из нас, не хватает знаний культурной антропологии, иначе он не привел бы в качестве причины сакрализации и архаизации понимания современной войны милитаризацию нашей жизни, усилившуюся в годы холодной войны; в данном случае причина и следствие, вероятно, должны поменяться местами). Можно было бы несколько усилить мотив *связи* антропологического и «полемологического» изучения войн.

И последнее. За пределами статьи С. В. Соколовского остался, кажется, один пункт — ядерная война. Не полемологи, но философы-постмодернисты, в частности, Деррида, считая ядерную войну «апокалипсисом апокалипсиса», абсолютным референтом, горизонтом всех остальных референтов, говорят о ней все же как об исключительно языковой и литературной проблеме. Это необычная постановка вопроса, но мы уже подготовлены к такому парадоксу. В самом деле, сейчас, пока ядерной войны нет, она существует только на бумаге, в форме литературы, воображающей и моделирующей ее. В случае, если такая война начнется, она будет представлять собой серию приказов, опять же оформленных как языковая информация, опытная проверка которой в принципе невозможна. Когда эта война разразится, сказать о ней будет некому и нечего, и поэтому ядерная война, в отличие от «Бури в пустыне», есть абсолютная фикция, чисто словесная, литературная деятельность⁴.

Примечания

¹ Соколовский С. В. Этнографические исследования: идеал и действительность // Этнографическое обозрение (далее — ЭО). 1993. № 2. С. 5.

² См. Постмодернизм и культура. Материалы круглого стола // Вопросы философии. 1993. № 3.

³ Семенов Ю. И. Этнология и гносеология // ЭО. 1993. № 6.

⁴ См. Грейс Б. Да, апокалипсис, да, сейчас // Вопросы философии. 1993. № 3.

Н. Н. Кулакова

* * *

Комментировать статью С. В. Соколовского «Война, конфликт, насилие: полемологические заметки» в критическом духе очень непросто.

Прежде всего есть чисто формальные противопоказания. Во-первых, автор делает в начале работы ход, ограждающий его от последующей критики. «В журнальной статье,— пишет он,— трудно охватить весь спектр полемологической проблематики, поэтому здесь будут предложены *обсуждение и комментарии*

к различным используемым в полемологии определениям войны, а также *предпринята попытка сопоставления* этого понятия с другими единицами концептуального поля, тематизирующего насилие и конфликт. Избранный жанр *заметок* дает возможность автору сохранить ту меру свободы, которой лишены многие иные жанры научного письма...» (с. 66; курсив мой.— А. О.). Таким образом, заведомо ставится не очень четкая и не очень строгая задача. Автор ее успешно решает, и в этом плане трудно предъявлять ему какие-либо претензии.

Во-вторых, по негласной традиции, не очень корректно оценивать работу, обсуждая то, чего в ней нет.

В пользу статьи говорит и более весомое обстоятельство. В последние годы у нас (я имею в виду читателей российской научной периодики) понятие «конфликтология» стало устойчиво ассоциироваться с публикациями двух видов: фактографическими очерками по конкретным сюжетам и спекуляциями, в которых отсутствие теоретической строгости восполняется либо публицистичностью, либо избыточным наукообразием лексики. Продукция обеих категорий, выдержана ли она в объективистском духе или нет, обычно бывает идеологически ангажированной, в чем авторы далеко не всегда отдают себе отчет. Не имею ничего против подобного творчества. В конце концов упомянутые работы имеют устойчивый спрос и занимают широкую «экологическую нишу».

Озабоченность может, скорее, вызвать другое — острый дефицит работ, посвященных теоретическим проблемам изучения конфликта, в особенности вопросам рефлексии ученого-наблюдателя и анализу используемого понятийного аппарата. Статья С. В. Соколовского может рассматриваться как попытка вести разговор именно в таком русле. Одной этой причины, как мне кажется, достаточно, чтобы приветствовать данную публикацию, как и другие работы, нацеленные на то, чтобы предложить читателю переход от традиционных для нашего обществоведения позитивистских политологических и социологических к современным антропологическим подходам.

Претензии к статье и к автору связаны с другим. Как будто считается общепринятым, что текст, помещенный не в личном дневнике, а в периодическом издании, имеет определенное предназначение — донести до читателя некую информацию. Иными словами, авторский монолог обращен не в пустоту, а к определенной аудитории, и если эта аудитория лишена возможности извлечь для себя что-либо, то публикация теряет смысл.

Ответ на вопрос, что может вынести читатель из комментируемой статьи, представляется совсем не очевидным. Ожидания, которые могут породить первые строки, как мне представляется, не оправдываются.

С самого начала читатель вправе полагать, что будет предложен обзор современного состояния исследований войны как социального феномена — вступительные абзацы дают для этого основания. Следует заметить, информационный материал подобного рода не был бы лишним. Однако боюсь, что в этом плане кроме слова *полемология* из статьи мало что можно почерпнуть.

«Однако среди исследователей войны растет понимание,— пишет С. В. Соколовский,— что для разработки реалистичных моделей, позволяющих объяснить причины, динамику и способы обуздания войн, необходим интегративный, синтетический междисциплинарный подход, преодолевающий односторонность дисциплинарного знания. В силу этого в полемологии (науке о войне), ставящей задачу научного исследования войны как социального явления, делается попытка преодоления редукционизма, свойственного дисциплинарному знанию, на основе феноменологического описания проявлений коллективного политического насилия в мире и его анализа. С этой целью полемологи создают компьютеризованные базы данных, существенно облегчающие обработку сведений о проявлениях политического насилия...» (с. 65—66).

После чтения этого абзаца возникают вполне законные вопросы: в чем ограниченность традиционного дисциплинарного исследования и какие горизонты открывают междисциплинарные подходы в рамках *полемологии*? Насчет ответов — увы! Можно ли считать качественной новизной *полемологических* исследо-

ваний создание компьютеризованных баз данных и составление прогнозов? Вряд ли. В настоящее время базы данных по вооруженным конфликтам собирают все, кому не лень, — от МВД до журналистов. Призывы к междисциплинарным исследованиям по разным поводам звучат уже не один десяток лет, но попытки следовать им на деле далеко не всегда приводят к качественным скачкам. Многие социальные науки так или иначе занимаются «феноменологическим описанием проявлений коллективного политического насилия». И остается непонятным, как на этой же основе можно преодолеть свойственный им редукционизм? Каковы критерии «реалистичности» тех или иных моделей конфликта?

Следует сказать, что ряд вопросов в лучшем случае называется, но не раскрывается автором. Остальные, причем наиболее существенные: с какими методологическими и теоретическими трудностями сталкиваются исследователи войны в настоящее время, каковы основные проблемы и тенденции в этой области и др. — оставлены вообще без ответа в данной статье.

Кроме того, вряд ли можно утверждать, что автор действительно предпринял попытку анализа системы понятий, используемых при описании и изучении конфликтов. Можно рассматривать внутреннюю логику и эволюцию соответствующего понятийного аппарата и вскрывать возникающие в этой связи проблемы. Можно анализировать возможности научного языка и то, как он определяет мышление наблюдателя в контексте эмпирических исследований. Однако ни того, ни другого в работе по существу нет.

Приведенные определения войны и конфликта выступают сами по себе, они вырваны из контекста и в таком виде представляются как не очень сильно превосходящие уровень обыденного сознания. Текст статьи как бы склеен из кусочков, не связанных между собой и имеющих в данном изложении весьма условное отношение к методологическим проблемам и к эмпирическим исследованиям.

Установление количественных критериев для разделения малых, средних и крупных конфликтов (больше или меньше 1000 смертей в заданный срок?)¹ — это важная аналитическая проблема? «Предлагаю, — пишет С. В. Соколовский, — взглянуть на имеющуюся типологию войн (какую? — А. О.) не как на ранжированную во времени эволюционную схему „от низшего к высшему“, но как на картину имеющегося разнообразия, смысл и взаимные связи между элементами которого еще предстоит разгадать» (с. 67). Выпад против эволюционизма в этом месте выглядит ничем не спровоцированным и едва ли связанным с приведенными в авторском тексте цитатами из работ М. Мид и Б. Малиновского.

Читатели, которым приходилось иметь дело с более или менее детализованными описаниями конкретных конфликтов, вероятно, поймут, в чем разница между понятиями «этническое насилие» и «этнический конфликт», хотя, возможно, и усомнятся, что эта схема применима на практике. Многие наверняка отнесутся к рассуждениям о соотношении коллективного и индивидуального, толпы, массы и группы, этнического конфликта и насилия, пассивности и активности сторон и др. как к схоластике. И будут по-своему правы.

В конечном счете читатель вправе требовать от автора гораздо большего, чем в рассматриваемой статье, внимания и уважения к себе.

Примечание

¹ Wallensteen P., Axell K. Armed conflict at the end of the cold war // *Journal of Peace Research*. 1993. Vol. 30.